37 9/159

37 9/159

Н. И. Веселовскій.

ТАТАРСКОЕ ВЛІЯНІЕ

НА РУССКІЙ ПОСОЛЬСКІЙ ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ВЪ МОСКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126 (уг. Суворовскаго просп.).
1911.

37 9/159

Н. И. Веселовскій.

ТАТАРСКОЕ ВЛІЯНІЕ

НА РУССКІЙ ПОСОЛЬСКІЙ ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ВЪ МОСКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126 (уг. Суворовскаго просп.)
1911.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
М 1343805

37 9/159

Татарское вліяніе на посольскій церемоніалъ въ московскій періодъ русской исторіи.

Посольскій церемоніалъ въ московскій періодъ русской исторіи носилъ въ полномъ, можно сказать, объемѣ татарскій или вѣрнѣе—азіатскій характеръ; отступленія у насъ были незначительныя и вызывались главнымъ образомъ религіозными воззрѣніями. Такъ, у насъ не проводили пословъ между двухъ огней передъ аудіенціею у царя, что было обязательно въ Ордѣ для уничтоженія злого умысла, если бы у посла онъ таился,—и не могли проводить, такъ какъ считали этотъ обрядъ языческимъ, а потому не совмѣстимымъ съ христіанскимъ вѣрованіемъ, и русскіе люди, съ великими князьями во главѣ, случалось, отвергали его съ такою рѣшительностью, что ради спасенія души жертвовали своимъ тѣломъ. Не одобрялось у насъ дѣланіе земныхъ поклоновъ и лобызаніе ноги восточныхъ владѣтелей, потому что первое надлежитъ совершать Богу, а второе—въ виду того убѣжденія, что человѣкъ чистъ лишь до пояса, а ниже пояса не чистъ, слѣдовательно, цѣлуя ногу, посолъ осквернялся. „И князь великій Магмедшю князя и всѣхъ пословъ звалъ къ себѣ, да руку на нихъ клалъ, да и о здоровіи ихъ самихъ спросилъ и ѣсти ихъ звалъ“ (пріѣздъ крымскаго посла Мамедши въ 1508 г.). Класть руку вмѣсто цѣлованія ея было установлено для мусульманъ, но другой крымскій посолъ Камалъ, позванный къ рукѣ, „цѣловалъ великаго князя въ руку“.

Что церемоніалъ былъ нами заимствованъ у татаръ, это понятно само собою. Въ теченіи долгаго періода великіе князья русскіе имѣли дипломатическія сношенія только съ золотоордынскими ханами и съ великими ханами въ Монголіи, должны были

поневолѣ подчиняться требованіямъ этихъ хановъ; а затѣмъ и сами усвоили ихъ такъ основательно, что считали весь церемоніалъ своимъ собственнымъ и не отступали отъ его требованій до Петра Великаго, измѣнившаго его на европейскій манеръ. Если бы московское правительство и не пожелало почему бы то ни было дѣйствовать по татарской указкѣ, то оно прямо не имѣло возможности замѣнить ее какою либо другою, и церемоніалъ былъ такъ устойчивъ, что на немъ даже не замѣтно вліянія европейской струи, внесенной къ намъ хотя бы Софіею Палеологъ; можетъ быть нѣкоторыя мелочи и подверглись тогда измѣненію; но сущность осталась прежняя. Конечно, съ расширеніемъ у насъ горизонта по мѣрѣ знакомства съ западными порядками, съ развитіемъ просвѣщенія, и съ сознаніемъ своего значенія нѣкоторые взгляды на подробности церемоніала должны были измѣняться и дѣйствительно измѣнялись, однако не на столько, чтобы общій характеръ прежняго посольскаго устава можно было бы признать поколебленнымъ.

Это положеніе вытекаетъ изъ длиннаго ряда дипломатическихъ сношеній Москвы съ Востокомъ и Западомъ. На Востокѣ всякое требованіе нашихъ пословъ относительно обращенія съ ними не вызывало по существу никакихъ противорѣчій съ мѣстными взглядами, и если, не смотря на то, между нашими послами и азіатскими властями происходили споры почти по всякому поводу, то причина ихъ заключалась не въ различіи установившихся порядковъ у обѣихъ сторонъ, а въ корыстолюбіи и злоупотребленіяхъ азіатскихъ чиновниковъ, стремившихся поживиться на счетъ русскаго посла. Не то было на Западѣ. Тамъ наши требованія въ лучшемъ случаѣ порождали недоумѣнія, въ худшемъ вызывали смѣхъ, до такой степени русскіе взгляды на пріемъ пословъ расходились съ европейскими. Настаивая на выдачѣ продовольствія, помѣщенія, подводъ и т. п., нашъ посолъ, по установившемуся у насъ взгляду, отстаивалъ свое оффиціальное положеніе, а европейцы смотрѣли на него, какъ на надоѣдливаго попрошайку, чѣмъ въ дѣйствительности онъ ронялъ свое достоинство.

Посольскій церемоніалъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ былъ направленъ къ выраженію внѣшнимъ образомъ, т. е. публично,

почета, или, какъ у насъ говорили въ старину,—„чести“, на три стороны; государю, посылающему посла; государю, принимающему посла, и самому послу. Эти три задачи сосредоточивались на личности посла. Какой пріемъ оказывался прибывшему послу, такая воздавалась и честь его отправителю. Обряды, требовавшіеся отъ посла на аудіенціи, имѣли цѣлію воздать честь государю данной страны. Посолъ, по возложенной на него функціи, имѣлъ право на внимательное отношеніе къ нему и на особое уваженіе. Какъ ни старались въ прежнее время примирить перечисленныя задачи, это не удавалось: не совпадая по существу, онѣ почти всегда расходились на практикѣ. На Востокѣ укоренился взглядъ, что униженіемъ прибывшаго посла можно поднять въ глазахъ народа значеніе своего государя. Такъ было въ Китаѣ до самаго послѣдняго времени. Тамъ требовали отъ посла такихъ унизительныхъ обрядовъ, исполненіе которыхъ прямо было бы предосудительнымъ, и посолъ предпочиталъ вернуться домой, отказавшись отъ своей миссіи.

У нашего правительства такихъ взглядовъ не существовало, была готовность всячески щадить самолюбіе посла; но отъ установленныхъ требованій оно не отступало.

Мысль о томъ, что посолъ является представителемъ своего государя и своей страны, не могла получить на Востокѣ сколько нибудь серьезнаго развитія при условіи, что тамъ пословъ не только унижали нравственно, но и мучили физически: морили голодомъ, сажали въ тюрьму и даже предавали смерти, хотя тамъ же существовала поговорка—„послу смерти нѣтъ“.

Вотъ основное положеніе татаръ, отмѣченное у Плано Карпини: откуда бы ни приходили къ хану послы, имъ должно давать коней, повозки и содержаніе. Правда, этотъ монахъ добавляетъ, что приходящіе послы терпятъ большую нужду, какъ въ содержаніи, такъ и въ одеждѣ, ибо издержки на нихъ скудны и малы; но это не измѣняетъ сущности дѣла тѣмъ болѣе, что скудость происходила отъ злоупотребленій чиновниковъ. Тоже говорится и въ другихъ источникахъ. Арабскій историкъ Ибнъ-Абдеззахыръ (XIII ст.) и другіе описали татарскіе порядки по пріему посольствъ. Они заключаются въ слѣдующемъ: послан-

ники получали во время путешествія барановъ и всякаго рода съѣстные припасы; когда подходили на небольшое разстояніе отъ Орды, везирь выходилъ имъ навстрѣчу, онъ назначалъ посланникамъ помѣщеніе и посылалъ имъ мясо, рыбу и молоко и другіе припасы. На аудіенціи слѣдовало войти съ лѣвой стороны, а затѣмъ, передавши свои письма, перейти на правую сторону и стать на оба колѣна. Никто не можетъ войти въ палатку хана съ мечемъ, ножемъ, булавою или какимъ бы то ни было другимъ оружіемъ. Запрещалось ступать на порогъ палатки. На аудіенціи присутствовала старшая жена хана.

У насъ вопросъ о содержаніи пословъ былъ разработанъ до мельчайшихъ подробностей и ставился на первомъ планѣ; отсюда вытекало требованіе, чтобы и нашимъ посламъ въ чужихъ государствахъ давалось полное продовольствіе, не потому, чтобы мы не могли обезпечить своего посла содержаніемъ, а потому, что таковъ взглядъ установился у насъ на посольскій этикетъ. На этой почвѣ происходили крупныя недоразумѣнія между нашими послами и иностранными властями, особенно на западѣ. Наиболѣе острымъ характеромъ отличалось требованіе подводъ, численность которыхъ, въ виду многолюдства и громоздкости нашихъ посольствъ, была довольно значительна. Практика посольскаго дѣла показала, что положеніе нашихъ пословъ въ иностранныхъ государствахъ иное, чѣмъ чужихъ пословъ у насъ. Наше правительство не только опредѣляло вполнѣ достаточное содержаніе пребывшему посольству, но и всегда предписывало приставу и воеводамъ давать еще кромѣ того „въ запросъ“, что посолъ запроситъ. По восточнымъ понятіямъ такъ и должно быть; въ азіатскихъ государствахъ по международному этикету считалось недопустимымъ, чтобы иностранный посолъ покупалъ на базарѣ на свой счетъ какую либо провизію. Въ дѣйствительности происходило обратное; но это потому, что русское посольство являлось на Востокѣ объектомъ эксплуатаціи; когда же эксплуатаціи быть не могло, тогда порядокъ возстановлялся. Такъ, по завоеваніи Западнаго Туркестана, русскимъ посламъ въ среднеазіатскихъ ханствахъ всегда доставляли то, что они посылали купить на базарѣ по части мѣстныхъ продуктовъ, а деньги возвращали обратно.

Практика показала, что своихъ пословъ надо обезпечить отъ случайностей всякаго рода.

Русское посольство и по составу, и по снаряженію отличалось чрезвычайною громоздкостью. Посолъ имѣлъ помощниковъ, обыкновенно двухъ, дьяка или подъячаго для канцелярской работы и для составленія статейнаго списка, переводчиковъ и толмачей, кречетниковъ съ ловчими птицами, служителей, стрѣльцовъ для охраны; а въ далекій и продолжительный путь, какъ напр. въ Персію или на Западъ, въ составъ посольства входилъ еще церковный причтъ, преимущественно изъ монашеской братіи для совершенія богослуженій. Имущество посольства, какъ казенное, такъ и личное требовало многочисленныхъ подводъ. Посольство обильно снабжалось провизіей въ пути и на время пребыванія въ чужой землѣ: соленое и копченое мясо, соленая рыба, мука и т. п. Царскіе подарки состояли большею частью изъ дорогихъ мѣховъ, шубъ, суконъ, моржовыхъ клыковъ, соколовъ и кречетовъ въ клѣткахъ, иногда оружія. Послу вмѣсто денегъ отпускалась мягкая рухлядь, т. е. мѣха, которые предстояло продавать на мѣстныхъ базарахъ, чтобы на вырученныя этимъ способомъ деньги покупать все необходимое для содержанія посольской свиты, а случалось—и для выкупа русскихъ плѣнныхъ Чтобы посолъ могъ поддержать свой престижъ поднесеніемъ отъ себя подарковъ хану и его приближеннымъ, послу выдавались изъ царской казны значительные запасы мѣховъ. Неудивительно, что и въ предѣлахъ Русскаго государства было затруднительно разомъ собрать необходимое количество подводъ, и посольству приходилось пріучаться къ тревожной и сутяжнической жизни еще въ своемъ отечествѣ; а заграницею нанимать верховыхъ лошадей и повозки на свой счетъ, иногда „дорогою цѣною“. Нарушеніе на Востокѣ посольскаго этикета въ данномъ случаѣ вызывало со стороны русскаго правительства сильные протесты, которые были безусловно справедливы, такъ какъ давать посольству подводы есть основной восточный обычай. Нарушался же этикетъ съ одной стороны злоупотребленіями мѣстныхъ властей или ихъ слабостію; съ другой—подозрительностью азіатцевъ, предполагавшихъ скрытыя подъ видомъ посольства торговые интересы, какъ это часто практиковалось на Востокѣ.

Но если отказъ въ снабженіи нашего посольства подводами являлся только неуваженіемъ со стороны азіатскихъ властей, то отношеніе ихъ къ посольскому имуществу было прямо оскорбительное. По установившемуся повсюду правилу имущество посла не подлежитъ осмотру въ цѣляхъ фиска. На Востокѣ поспѣшили этимъ воспользоваться, чтобы соединить торговыя предпріятія съ дипломатическою миссіею. Такъ было и у насъ въ XV ст. (хожденіе Аѳанасія Никитина), но потомъ наше правительство нашло подобное соединеніе неудобнымъ, строго разграничило торговыя сношенія отъ политическихъ и нерѣдко прямо отказывало русскимъ купцамъ въ просьбѣ присоединиться къ посольству. Вѣроятно, на Востокѣ не вѣрили искренности нашего правительства и взимали пошлину съ посольской рухляди, какъ съ купеческой. Протестъ съ нашей стороны былъ всегда рѣшительный, послу предписывалось пошлинъ не платить; но подкрѣпить этотъ протестъ чѣмъ-либо болѣе внушительнымъ, чѣмъ жалкія слова, у насъ долго не было возможности, и нашъ посолъ попадалъ между двухъ огней: отстаивая свои права по наказу, онъ, въ случаѣ упорства, подвергался болѣе оскорбительному отношенію—физическому воздѣйствію и въ тоже время могъ подвергнуться опалѣ въ Москвѣ. Наше правительство старалось вразумить хановъ, но не всегда съ успѣхомъ, такъ какъ у послѣднихъ была одна цѣль: обобрать посла. Вотъ что говорилъ в. кн. Иванъ Васильевичъ черезъ посла Алексѣя Голохвастова хану Менгли Гирею въ 1501 году: „и они (послы) емлютъ съ собою рухлядь харчю для, а не торговли для, въ которыхъ въ иныхъ земляхъ, гдѣ не ходятъ денги государя нашего земель, и что будетъ надобе государя нашего послу въ которой землѣ тутошнихъ денегъ на харчь, и они рухлядь продаютъ на денги, да тѣмъ держатъ свой харчь“. Въ другой разъ великій князь писалъ тому же хану: „а учнутъ поминки пересматривати и рухлядь нашего посла и нашихъ людей, ино то наша, и твоя и моя, которая честь“?

Пошлину съ посла наше правительство отвергало самымъ рѣшительнымъ образомъ, не изъ корыстныхъ цѣлей, а потому, что видѣло въ этомъ униженіе. И это требованіе касалось не только посольскаго имущества, но и другихъ статей, напримѣръ,

за перевозъ, хотя бы дѣло касалось переѣзда изъ Кафы въ Царьгородъ, или за пастьбу посольскихъ лошадей, или за переходъ черезъ посохъ. „А тамги и пошлинъ съ пословъ нѣтъ никоторыхъ“ —настаивали великіе князья и цари московскіе. И на Востокѣ все это понимали отлично; но русское посольство тамъ было нужно по стольку, по скольку оно давало матеріальныя выгоды иноземнымъ властямъ, а потому посольскій этикетъ отходилъ на второй планъ, и приходилось намъ писать въ грамотахъ, чтобы силы (т. е. насилья) надъ послы и надъ ихъ людьми никакъ не быти. Въ Турціи и въ Крыму на содержаніе пословъ отпускалась особая сумма, называвшаяся таинъ; но изъ этого не слѣдовало, что она полностью доходила до посла.

На Востокѣ принято злоупотреблять посольствами въ торговыхъ интересахъ: къ посольству охотно присоединяются купеческіе караваны, такъ какъ въ этомъ случаѣ купцамъ оказываются нѣкоторыя льготы въ отношеніи пошлинъ: правительство иностраннаго государства заботится о подводахъ при передвиженіи, о помѣщеніи при остановкахъ, а иногда даже и о содержаніи. Этимъ объясняется, почему къ намъ приходили посольства отъ кочевыхъ народовъ въ составѣ 200—300 человѣкъ, которые вели на продажу по нѣскольку тысячъ лошадей.

Наше правительство держало себя по отношенію къ присутствію торговцевъ при азіатскихъ послахъ очень осторожно и дѣлало видъ, что не замѣчало злоупотребленія; но когда злоупотребленія достигали большихъ размѣровъ, приходилось ихъ ограничивать. Такъ, кормъ лошадямъ выдавался только посольскимъ, а не купеческимъ и не тѣмъ, которыя приводились для продажи.

Обмѣнъ подарками при посредствѣ пословъ установился въ очень отдаленное время и не составлялъ исключительнаго явленія у татаръ; но послѣдніе довели систему вымогательства подарковъ до виртуозности. У нихъ прямо считалось неприличнымъ явиться не только къ хану, а даже къ значительному лицу безъ подарковъ. Когда европейскіе миссіонеры направлялись къ монгольскимъ ханамъ, то, не зная татарскаго обычая, не озаботились заготовленіемъ подарковъ, и это обстоятельство не мало повредило имъ. Какъ только зашла рѣчь о представле-

ніи хану, имъ сейчасъ же заданъ былъ вопросъ: чѣмъ они могутъ поклониться хану, т. е. какіе поднесутъ дары? Въ очень затруднительномъ положеніи очутился миноритъ Рубрукъ, не имѣвшій, по обѣтамъ монашества, запаснаго имущества. „Нашъ проводникъ—записалъ Рубрукъ—началъ спрашивать, что мы поднесемъ Сартаху, и пришелъ въ великое негодованіе, когда увидѣлъ, что мы не готовимъ ничего поднести ему“.

Татарскіе ханы слали къ намъ пословъ обыкновенно съ тяжелымъ поклономъ, съ легкимъ поминкомъ (агыр селям илэ ве енгиль хадіэ илэ), чтобы поклонъ *сухъ* не былъ, т. е. безъ прибавленія подарковъ, или одинъ поклонъ безо всего прочаго. Въ данномъ случаѣ такъ переводилось татарское слово куру „сухой“; выраженіе „ханъ ушелъ или спасся изъ набѣга сухою головою“ (куру башъ-илэ донду) стало даже приводиться въ русскихъ документахъ, какъ и другое выраженіе: „сухимъ языкомъ говорить“. Пришлось и намъ усвоить подобную же тактику и писать ханамъ, что посольство отправлено спѣшно и собрать надлежащіе поминки не было времени, а что они будутъ посланы со слѣдующимъ посольствомъ.

Кромѣ царскихъ подарковъ, нашъ посолъ обязанъ былъ представить таковые и отъ себя. Такъ какъ посолъ получалъ все снаряженіе на счетъ государства, то отъ царской казны давались ему и подарки для поднесенія иностранному государю на аудіенціи. За то онъ долженъ былъ дать отчетъ въ отвѣтныхъ подаркахъ, которые онъ получалъ самъ. Обыкновенно эти подарки не отбирались въ казну и оставлялись въ пользованіи посла; но учетъ имъ для какой-то цѣли все-таки былъ.

Того корыстолюбія въ отношеніи подарковъ, какое наблюдалось на Востокѣ, наше правительство не имѣло и не могло имѣть, такъ какъ, помимо всякихъ другихъ причинъ, это просто не вязалось съ понятіемъ о величіи государя. На подносимые подарки, были ли они отъ самого иностраннаго государя или отъ посла, отвѣтные дары всегда опредѣлялись въ большей чѣмъ получаемые цѣнности. Для азіатскихъ пословъ установилась даже норма: давать противъ ихъ даровъ вдвое, при чемъ нерѣдко подношенія пословъ возвращались имъ обратно. Тѣмъ не менѣе вопросъ о подаркахъ всегда и очень сильно озабочивалъ

наше правительство, и при снаряженіи посольства занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Подарки назывались или просто поминками, или любительными поминками, такъ какъ посылались на память и въ знакъ любви, и существовалъ глаголъ „напоминаться", т. е. царь напоминалъ о себѣ „своему брату" такими-то предметами.

Посылались прежде всего мѣха, что крымскіе татары называли данью зердева (слово турецкое, значитъ „куница") и ловчія птицы.

Когда нашъ посолъ приходилъ въ чужую страну и тамъ спрашивали его о здоровьѣ и здорово ли онъ совершилъ свой путь, то посолъ отвѣчалъ, что онъ счастьемъ своего великаго государя дошелъ здорово. Такъ же говорилъ у насъ и азіатскій посолъ. Это былъ оборотъ выраженій восточный. Въ недавнее время, при существованіи еще оренбургскаго генералъ-губернаторства, генералъ-губернаторамъ приходилось часто принимать среднеазіатскихъ пословъ, и на вопросъ: благополучно ли ѣхалъ посолъ, послѣдній отвѣчалъ подобнымъ же образомъ; но переводчикъ (эту должность долго занималъ Костромитиновъ) сейчасъ же останавливалъ посла и строго спрашивалъ: дѣйствительно ли онъ ѣхалъ благополучно въ русскихъ владѣніяхъ счастіемъ своего хана, а не русскаго императора? Тогда посолъ спѣшилъ поправиться. Большой знатокъ Средней Азіи профессоръ В. В. Григорьевъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ посолъ зазнавался, и Костромитиновъ правильно его до этого не допускалъ. Среднеазіатскіе послы часто у насъ зазнавались, видя радушный пріемъ со стороны правительства, и приходилось ихъ, какъ говорится осаживать; можетъ быть слѣдовало заставить ихъ измѣнить и этотъ свой отвѣтъ; но видѣть въ немъ дерзость или неуваженіе никоимъ образомъ было нельзя, такъ какъ здѣсь играла роль старинная восточная традиція, существовавшая нѣкогда у насъ и основательно забытая.

Кочевникъ отъ лошади не отдѣлимъ, онъ не пойдетъ пѣшкомъ даже на малое разстояніе; пѣшкомъ ходитъ только бѣднякъ, байгушъ, человѣкъ всѣми унижаемый и презираемый. Только лошадь, по понятію кочевника, возвышаетъ человѣка; отсюда установилось правиломъ, что тотъ, кто желаетъ оказать

уваженіе при встрѣчѣ другому лицу, долженъ сойти съ лошади на землю. Проситель не можетъ излагать свою просьбу, сидя на лошади; только равный съ равнымъ могутъ привѣтствовать другъ друга, оставаясь на лошадяхъ. Этотъ взглядъ былъ усвоенъ восточнымъ посольскимъ этикетомъ, и степень почета стала измѣряться большимъ или меньшимъ пребываніемъ въ сѣдлѣ. Посолъ доѣзжалъ верхомъ до болѣе близкаго пункта къ ханской ставкѣ, чѣмъ гонецъ, котораго останавливали раньше; свита посла спѣшивалась раньше его самого и шла за нимъ пѣшкомъ. Тоже происходило и послѣ аудіенціи.

„Повести коня" передъ кѣмъ-либо или подъ кѣмъ-либо значило выразить особенное почтеніе этому лицу. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1432 годомъ сказано: „царь Махметъ даде великое княженіе князю Василію Васильевичу и повелѣ князю Юрью Дмитріевичу, дядѣ его, и конь повести подъ нимъ. Князь же великій не возхотѣ того, дядю своего обезчестити". Едва ли можно сомнѣваться, что это обычай восточный.

Изъ ногайскихъ дѣлъ знаемъ, что посланецъ князя Мусы въ 1490 г. сообщалъ въ Москвѣ, что Махметъ Аминь, царь казанскій присылалъ къ Мусѣ своего человѣка Хошкильдей дувана о свотоствѣ, „да и конь повелъ передъ моимъ государемъ его человѣкъ Хошкильдей". Интересный примѣръ можно привести изъ исторіи Персіи: въ 1604 г. шахъ Аббасъ былъ такъ обрадованъ взятіемъ Багдада, что вышелъ на встрѣчу своему полководцу, чтобы выразить ему благодарность и, желая особенно почтить его, сошелъ съ своего коня, посадилъ на него побѣдителя, упорно отъ того отказывавшагося, и прошелъ нѣсколько шаговъ у его стремени.

Чтобы освѣтить этотъ вопросъ примѣрами дальняго востока, остановлюсь на обычаяхъ народа Киданей. Въ праздникъ шанъ-и происходила состязательная стрѣльба на скаку въ деревяннаго зайца, были побѣдители и побѣжденные; побѣжденный слѣзалъ съ лошади и, стоя на колѣняхъ, подносилъ вино побѣдителю, который пилъ его, сидя на лошади.

Отсюда ясно, какую роль должна была играть верховая лошадь въ дѣлѣ выраженія почета для обѣихъ сторонъ: для стороны отправляющей посла, и для стороны, его принимающей.

На Востокѣ въ отношеніи лошади выработались вполнѣ опредѣленныя правила; установлено обычаемъ: когда можно сидѣть на лошади, когда должно съ нея слѣзть, до какого мѣста можно ѣхать, гдѣ слѣдуетъ остановиться и т. д. И всѣ эти правила были усвоены у насъ.

Въ Турціи, когда посолъ представлялся султану, то съ нимъ бокъ о бокъ изъ визирскаго дворца ѣхалъ чаушъ-паша, и всегда по правую сторону. Нельзя ѣхать съ правой стороны султана, поэтому въ прежнее время янычаръ-ага, сопровождавшій султана въ мечеть, ѣхалъ слѣва отъ него. У чеченцевъ старшій ѣдетъ справа, младшій слѣва. И т. д.

На востокѣ посла встрѣчалъ, по возможности на границѣ, особый чиновникъ, при чемъ происходили церемоніи согласно съ восточнымъ этикетомъ, и затѣмъ встрѣчавшій ѣхалъ вмѣстѣ съ посломъ съ правой стороны. У персіянъ такое лицо называлось михмандаръ, т. е имѣющій гостя. По свидѣтельству Рубрука послами завѣдывалъ у татаръ ямъ-ямъ или просто ямъ; но онъ не встрѣчалъ пословъ. У насъ посла встрѣчалъ приставъ. Прежде чѣмъ начать взаимныя привѣтствія, требовалось съ нашей стороны, чтобы посолъ и приставъ одновременно сошли съ лошадей на землю, а если посолъ ѣхалъ въ экипажѣ, то выдти изъ экипажа. Это требованіе вызывалось тѣмъ, что при встрѣчѣ упоминались имена государей, и оно очень не нравилось европейскимъ посламъ, и наиболѣе рѣшительные изъ нихъ старались обойти насъ. Такъ, извѣстный Герберштейнъ при встрѣчѣ съ приставомъ сдѣлалъ видъ, что слѣзаетъ съ лошади; тогда приставъ поспѣшилъ сойти на землю, но Герберштейнъ остался сидѣть въ сѣдлѣ. И посолъ самъ съ гордостью отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ обманулъ русскаго пристава; однако, ему при всякомъ случаѣ напоминали, что онъ нанесъ оскорбленіе русскому царю. Къ такой, нѣсколько наивной уловкѣ прибѣгъ покойный хивинскій ханъ Мухамедъ Рахимъ, когда на встрѣчу ему посланъ былъ отъ туркестанскаго генерала-губернатора Черняева молодой офицеръ съ конвоемъ. Хану было зазорно поздороваться съ офицеромъ на равныхъ основаніяхъ и онъ только сдѣлалъ видъ, что слѣзаетъ на землю, а когда это исполнилъ офицеръ, ханъ

остался на лошади. Приставъ, сопутствующій послу, долженъ ѣхать, согласно съ наказомъ, по правую его руку. Это положеніе не вызывало съ азіатскими послами никакихъ недоразумѣній, потому что было въ порядкѣ вещей и существуетъ на Востокѣ и по настоящее время; но европейскимъ посламъ почему-то такой этикетъ не нравился, и они во время пути старались заѣхать пристава справа, и тогда происходили довольно комичныя сцены.

Въ 1629 г. прибыло въ Россію посольство изъ Франціи во главѣ съ Луи Дегэ де-Курмененъ и навстрѣчу ему былъ высланъ новгородскимъ воеводою приставъ, который хотѣлъ ѣхать съ правой стороны посла; но послѣдній рѣшительно заявилъ, что на такой позоръ онъ ни за что не согласится, даже подъ страхомъ смерти. Послѣ долгихъ переговоровъ посолъ предложилъ, чтобы ѣхали два пристава, одинъ по правую сторону посла, другой по лѣвую. Такъ какъ это являлось нарушеніемъ установившагося обычая, то приставъ обратился за совѣтомъ къ псковскому архіепископу, который одобрилъ проектъ посла; приставъ ѣхалъ съ правой стороны, а слѣва—боярскій сынъ.

Если бы спросить французскаго посла, почему онъ считалъ сопровожденіе пристава съ правой стороны такимъ позоромъ, что предпочиталъ ему смерть, едва-ли бы онъ могъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Сомнительно, чтобы и наши чиновные люди понимали въ чемъ тутъ смыслъ, такъ какъ обычай этотъ не свой собственный, а заимствованный отъ татаръ и притомъ заимствованный механически. Въ татарскомъ церемоніалѣ онъ понятенъ. Татарскій приставъ, встрѣчавшій и провожавшій ѣдущаго посла, по свойственному Востоку понятію, обязанъ былъ въ глазахъ своего народа показать свое преимущество передъ иностранцемъ и занять почетную сторону, т. е. правую. Это держится на Востокѣ и по настоящее время. Видя, что приставъ у татаръ ѣдетъ по правую сторону посла, и мы усвоили этотъ пріемъ, быть можетъ, не отдавая въ немъ себѣ отчета.

У насъ встрѣча посла, приглашеннаго на аудіенцію, имѣла довольно сложный характеръ: первая встрѣча была у рундука (т. е. крыльца), вторая въ сѣняхъ; а для большаго почета еще третья, при чемъ служебный рангъ каждаго встрѣчавшаго уве-

личивался въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ этомъ также надо видѣть восточное вліяніе, такъ какъ на Востокѣ часто происходило нѣсколько встрѣчъ съ повышеннымъ положеніемъ встрѣчавшихъ лицъ по мѣрѣ того, какъ посолъ приближался къ ханской резиденціи.

Посолъ, являющійся къ татарскому хану, долженъ былъ слѣзть съ лошади, какъ и всѣ подданные, не доѣзжая ставки на полетъ стрѣлы изъ лука, что Рубрукъ отмѣчаетъ словомъ далеко, и идти пѣшкомъ. Въ этомъ отношеніи требованія восточнаго этикета были неумолимы. Извѣстно, что китайскій императоръ въ видѣ награды, за особенно великія услуги, оказанныя государству, давалъ своимъ подданнымъ право въѣжать верхомъ на императорскій дворъ.

Наше правительство вполнѣ усвоило эту систему и въ описаніи пріема пословъ всегда отмѣчалось, гдѣ посолъ слѣзалъ съ лошади (обыкновенно: „у Благовѣщенія") и до какихъ мѣстъ шелъ пѣшкомъ.

На востокѣ верховыхъ лошадей послу и свитѣ его для выѣзда на аудіенцію обязанъ былъ дать государь той страны, въ которую прибылъ посолъ; послѣ аудіенціи лошади отбирались. Тоже видимъ и у насъ; посламъ отпускались парадныя лошади и, послѣ представленія посольства государю, лошади отводились туда, откуда были взяты, иногда ихъ брали у бояръ.

У татаръ посолъ не могъ явиться съ оружіемъ, Плано Карпини говоритъ, что его самого и спутниковъ его тщательно обыскали касательно ножей, прежде чѣмъ представить ихъ хану Куюку. Другой монахъ Рубрукъ подтвердилъ тоже самое: „они обшарили у насъ ноги, грудь и руки съ цѣлью узнать: нѣтъ ли при насъ ножей. Нашего толмача заставили они отстегнуть и оставить снаружи, подъ охраной одного придворнаго, бывшій на немъ ремень съ ножомъ".

У насъ нельзя было явиться передъ царемъ съ оружіемъ, и протесты европейскихъ пословъ не имѣли успѣха. На этомъ основаніи можно сказать, что иностранныя гравюры, изображающія пріемъ русскимъ царемъ пословъ при оружіи, грѣшатъ противъ истины. Одинъ изъ настойчивыхъ пословъ у насъ, Луи Дегэ де Курмененъ (1629 г.) очень добивался быть на прі-

емѣ у царя Михаила Федоровича при шпагѣ, ему въ этомъ было отказано самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ отказывали и всѣмъ другимъ европейскимъ посламъ, когда они заводили объ этомъ рѣчь.

При Петрѣ Великомъ введены были европейскіе порядки и въ этомъ отношеніи. Когда капитанъ отъ артиллеріи Иванъ Унковскій былъ отправленъ въ 1722 г. посломъ къ монгольскому хану Цеванъ Рабтану, то отъ него потребовали передъ представленіемъ хану снять оружіе. Унковскій протестовалъ, говорилъ, что у насъ считается за безчестье являться къ государю безъ оружія. Такъ скоро забылся у насъ азіатскій взглядъ на оружіе при аудіенціи.

Уже много позже, на нашихъ, такъ сказать, глазахъ, когда послѣдній кокандскій ханъ Насръ эд-Динъ принималъ русскихъ офицеровъ, отъ нихъ потребовали снять оружіе и оставить въ караулѣ. И, не смотря на протесты, мѣстныя власти все-таки настояли на томъ, чтобы револьверы были вынуты изъ кобуръ и спрятаны за сапогомъ.

У татаръ прибывшій посолъ долженъ былъ становиться передъ ханомъ на колѣни,—обычай, заимствованный отъ китайцевъ. Когда посолъ Людовика IX миноритъ Рубрукъ, явившись передъ ханомъ Батыемъ, преклонилъ одно колѣно, то Батый сдѣлалъ ему знакъ преклонить оба, что Рубрукъ и поспѣшилъ исполнить, „не желая спорить изъ-за этого". Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что всѣ русскіе, допускавшіеся къ хану, обязаны были исполнять это требованіе. Когда великіе князья свергли татарское иго, они стали выводить этотъ унизительный обычай у себя дома и стремились оградить отъ него и своего посла въ иностранномъ государствѣ.

Еще въ XV столѣтіи въ наказѣ посламъ предписывалось не становиться на колѣни даже передъ турецкимъ султаномъ. Въ 1496 г. Михайлу Плещееву, отправленному къ султану Баязиду, указывалось: „первое, пришедъ, поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися". Послѣ еще прибавлялось: „и въ землю челомъ не ударити". Такое требованіе было, конечно, невыполнимо, и давать его значило ставить нашего посла въ безвыходное положеніе.

Въ Турціи посланника вели на аудіенцію два чауша и передъ султаномъ, схвативъ посла за шею, силою ставили его на колѣни. Наши посланники просили только не проявлять надъ ними насилія, соглашаясь добровольно и неукоснительно исполнить всѣ требованія турецкаго этикета: но не всегда турки исполняли такую просьбу. Удерживая своихъ пословъ отъ колѣнопреклоненія московскіе великіе князья и цари сами однако принимали этотъ унизительный обрядъ отъ азіатскихъ посланцевъ. И вообще колѣнопреклоненіе было развито у насъ довольно широко.

Въ 1519 г. прибылъ въ Москву крымскій посолъ Аппакъ и, по повелѣнію великаго князя, князь Иванъ Палетцкій долженъ былъ говорить рѣчь послу у него на подворьѣ отъ имени государя. Такъ какъ Аппакъ, будучи татарскимъ княземъ, пріѣхалъ въ чалмѣ, которую у татаръ носили лица духовныя и она не снималась на аудіенціи, то на это обратили у насъ вниманіе и князю Ивану было наказано великимъ княземъ не снимать „колпака“ передъ Аппакомъ, пока онъ не сдѣлетъ по этому поводу какого либо замѣчанія. И дѣйствительно, когда князь Иванъ сталъ говорить рѣчь, ставъ на колѣни, а колпака не снявъ, то Аппакъ ему замѣтилъ: „князь Иванъ! рѣчь государскую говоришь, а колпака съ себя не соймешь“. На это князь Иванъ отвѣтилъ, что и онъ, Аппакъ, противъ государьскаго жалованья чалмы не снялъ. Тогда Аппакъ, „ставъ на колѣнехъ и колпакъ съ себя снялъ, а князь Иванъ ему рѣчь говорилъ отъ великаго князя, также ставъ на колѣнехъ, да колпакъ съ себя снялъ“.

На аудіенціи у государя Аппакъ, послѣ „карашеванія“ сталъ на колѣни и правилъ поклонъ великому князю отъ хана.

У азіатскихъ владѣтелей существовалъ обычай одарять посла послѣ аудіенціи платьемъ, напр. халатами, но преимущественно шубою, иногда собольею. Порядокъ этотъ держался очень долго и при томъ въ такое время, когда онъ пересталъ пользоваться уваженіемъ.

Чрезвычайный посолъ князь Н. В. Репнинъ въ 1776 г. получилъ отъ султана соболью шубу, а свита его шубы и кафтаны, и всѣ ѣхали въ этомъ нарядѣ до поворота отъ серальской стѣны, когда сняли эти подарки.

Не допускалось у насъ надѣвать пожалованные халаты, такъ какъ ѣзда въ нихъ по городу считалась за посмѣхъ.

Обычай дарить посламъ халаты пачками (тартукъ) удерживался въ среднеазіатскихъ ханствахъ до послѣдняго времени и былъ отмѣненъ по отношенію къ русскимъ по настоянію нашихъ властей.

Обычай дарить прибывшаго посла шубами, повидимому, былъ заимствованъ нами отъ татаръ. По крайней мѣрѣ первые европейскіе миссіонеры получили въ ордѣ въ подарокъ щубы. У насъ одариваніе шубами приняло очень широкіе размѣры и стало распространяться не только на пословъ, но и на владѣтельныхъ особъ. Подарокъ этотъ по преимуществу пришелся по вкусу азіатскимъ государямъ, которые безъ всякой застѣнчивости въ грамотахъ своихъ просили шубъ; а иногда даже жаловались, что присылаемыя шубы коротки и ихъ надѣть непригоже. Для русскаго правительства было очень удобно отдаривать шубами, такъ какъ пушные мѣха составляли главное наше богатство, и наше преимущество. Когда австрійскій императоръ Максимиліанъ просилъ у несъ денежной помощи для войны противъ турокъ, то ему отправили мѣховъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

На Востокѣ посламъ дарится между прочимъ лошадь въ болѣе или менѣе богатомъ уборѣ и въ блестящей сбруѣ. Тоже было и у насъ. Кажется, пышнѣе всего подведены (отсюда наше выраженіе „подвода") были лошади датскому принцу Іоанну, пріѣзжавшему въ Москву въ 1602 году. 12 сентября у г. Старицы ему передали отъ царя три коня; у каждаго серебряная сбруя, сѣдло по русскому вкусу: бархатныя, украшенныя золотомъ и серебромъ. Недалеко отъ Москвы, во время привѣтствія, принцу подарили отъ имени царя коня съ серебрянымъ вызолоченнымъ сѣдломъ и съ золотою попоною; ошейникъ коня былъ изъ позолоченнаго серебра, а также двѣ узды для украшенія, по русскому обычаю, какъ каретныя цѣпи. Также гофмейстеру и другимъ королевскимъ посламъ были подарены красивые кони съ прекрасными сѣдлами, уздами, съ серебряными цѣпями.

Первоначально у монголовъ угощали пословъ кумысомъ и другими напитками сейчесъ же по окончаніи аудіенціи въ присутствіи хановъ; а въ Золотой ордѣ кромѣ напитковъ подавались

еще мясо и рыба. Такъ, эль-Муфаддаль, подробно описавшій пріемъ египетскаго посольства ханомъ Берке (въ 1267 году), сообщилъ, что послѣ прочтенія грамоты, когда послы должны были перейти съ лѣвой стороны на правую, ханъ приказалъ подать имъ кумысу и послѣ того варенаго меду, а потомъ предложилъ имъ мясо и рыбу, и они поѣли. Слѣдовательно, угощеніе пословъ считалось обязательнымъ, какъ выраженіе гостепріимства. Такой порядокъ удержался въ среднеазіатскихъ ханствахъ и по настоящее время. Въ г. Бухарѣ русскимъ чиновникамъ, представлявшимся хану, передъ аудіенціей предлагали чай и пловъ.

Угощеніе пословъ, какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ совершалось у насъ по восточному обычаю: отсутствовали тарелки, ножи и вилки. Такое неудобство очень смущало европейцевъ и они отмѣчали его въ своихъ запискахъ. Отмѣтили они и другую особенность, имѣющую сходство съ восточною: всѣ кушанья подавались на столъ разомъ, а не послѣдовательно одно за другимъ.

Не привилась у насъ одна довольно существенная подробность татарскаго посольскаго церемоніала: присутствіе на аудіенціи великихъ княгинь и царицъ. Затворничество женщинъ при кочевомъ образѣ жизни невозможно; оно невозможно даже при требованіи религіи. Татарскіе ханы, принявшіе исламъ, долго продолжали принимать иностранныхъ пословъ въ присутствіи своихъ женъ; но потомъ это измѣнилось; крымскіе ханы уже не допускали ханшъ на аудіенціи. Можетъ быть въ такое время и выработался нашъ посольскій этикетъ.

Едва ли можно допустить, чтобы при пріемѣ ханами пословъ или другихъ лицъ, отсутствовала стража, а между тѣмъ о ней умалчиваютъ и Плано Карпини, и Рубрукъ. Только Марко Поло (въ Рамузіевомъ текстѣ) замѣтилъ, что у каждыхъ дверей съ обѣихъ сторонъ, или вѣрнѣе всюду, гдѣ великій ханъ можетъ быть, стоятъ два большихъ человѣка, словно гиганты, съ посохами; они наблюдаютъ чтобы никто не наступалъ на порогъ, а перешагивалъ черезъ него. Изъ существованія этой стражи, можно, кажется, объяснить присутствіе на аудіенціи передъ трономъ московскаго царя рындъ. Но этотъ вопросъ разрѣшается труднѣе, потому что у монгольскихъ хановъ была двойная

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

стража, и рынды могли соединять въ себѣ обѣ эти стражи. Что же мы знаемъ о второй стражѣ?

Плано Карпини, Вильгельмъ Рубрукъ, Марко Поло, точно сговорившись, одинаково описываютъ пріемы у монгольскихъ хановъ и ничего не сообщаютъ о чиновникахъ, которые могли бы считаться прототипомъ нашихъ рындъ. Между тѣмъ чувствуется, что у этихъ авторовъ не все оговорено относительно церемоній и обстановки; такъ, они очень глухо говорятъ объ отпускной аудіенціи, которая несомнѣнно носила торжественный характеръ. Въ китайской литературѣ, именно въ оффиціальной исторіи Юань-ши, отводящей церемоніалу при императорѣ Хубилаѣ видное мѣсто, находимъ любопытное указаніе на придворныхъ чиновниковъ, которые называются защитниками престола, по китайски х у-ю й; каждый изъ нихъ держитъ въ рукѣ нефритовый топоръ. Число ихъ не приведено; говорится лишь, что они становятся по западной и восточной сторонамъ дворца и что когда императоръ съ императрицею поднимаются на диванъ, то три охранителя отступаютъ на восточную сторону крыльца. Было ли всего три охранителя, или больше и изъ нихъ выдѣлялись только трое—мнѣ неизвѣстно. И такъ, у монголовъ были охранители трона, вооруженные топорами. Если наши рынды могутъ быть отожествены съ монгольскими охранителями, то объяснить ихъ бѣлое одѣяніе, у насъ вообще не принятое, было бы не трудно, какъ позаимствованіе отъ татаръ. Бѣлый цвѣтъ особенно почитался монголами, и во время празднованія цаганъ сара (начало года) всѣ должны были обязательно надѣвать бѣлое платье. Это могли подмѣтить русскіе князья, ѣздившіе на поклонъ ханамъ и ввести въ свой обиходъ. Петръ Великій упразднилъ рындъ.

У насъ переговоры съ послами вели бояре по особому назначенію, въ отвѣтной палатѣ. Можетъ быть этотъ порядокъ установился самъ собою и вытекалъ изъ существа дѣла; но нельзя не обратить вниманія на одно извѣстіе, относящееся ко времени ханствованія Узбека и сообщенное у эн Нувейри: когда египетскій султанъ эль-Меликъ энъ-Насыръ отправилъ посольство къ хану Узбеку съ цѣлью посватать дѣвушку изъ рода Чингисова, и посолъ хотѣлъ лично переговорить объ этомъ по-

рученіи съ ханомъ, то ему было сообщено: „ханъ Узбекъ говоритъ, что если въ твоемъ докладѣ заключается что-нибудь кромѣ (обычнаго) привѣта, то переговори о немъ съ эмирами“.

Взглядъ на посла у народовъ азіатскихъ не соотвѣтствуетъ взгляду европейцевъ. У первыхъ посолъ разсматривается, какъ шпіонъ; отсюда являлось необходимымъ принять мѣры противъ шпіонства. На востокѣ посла держали подъ строгимъ карауломъ, устраняли отъ какого бы то ни было сношенія съ частными лицами. Наши послы прямо заявляли въ своихъ статейныхъ спискахъ, что ихъ держали, какъ въ тюрьмѣ; но и наша подозрительность по отношенію къ иностраннымъ посламъ развилась до болѣзненности, и едва ли положеніе ихъ у насъ въ смыслѣ свободы было лучше.

Эти немногія параллели, здѣсь приведенныя, даютъ основаніе видѣть въ посольскомъ нашемъ церемоніалѣ XV, XVI и XVII столѣтій традиціи, усвоенныя отъ татаръ.

Н. Веселовскій